

НАДО ГОВОРИТЬ: «ПОЭТ В РОССИИ БОЛЬШЕ, ЧЕМ НА ЗАПАДЕ»

Смена не пришла, считает автор «Атлантов», поэт и геофизик академик Александр Городницкий

Вера Камша

АЛЕКСАНДР МОИСЕВИЧ, любая оценка, которую нельзя подкрепить метрами, килограммами или хотя бы формулой, субъективна. Не кажется ли вам, что твердо укоренившийся обычай ставить одного художника выше другого несправедлив по определению?

— Вы, видимо, имеете в виду творческие конкурсы? Да, на мой взгляд, это вещь изначально обреченная на неудачу. Нельзя выстроить в шеренгу талантливых художников, композиторов, актеров, поэтов. Был в свое время в городе Ульяновске один человек, который рвался организовывать конкурсы, в котором бы приняли участие Окуджава, Высоцкий, Галич... Но это же нелепо! Как можно дать Высоцкому первое место, а Окуджаве второе? Или наоборот? Или, может, Галичу третье? Это бред! Творческие люди тем и замечательны, что каждый из них неповторим и незаменим. Я считаю практику тех фестивалей, где раздаются места, порочной в принципе. Я уже много лет являюсь председателем жюри самого крупного фестиваля авторской песни — Грушинского, и пытаюсь эту линию как-то проводить, но меня не всегда слушают.

— К сожалению, гораздо чаще сталкиваешься с другим мнением. Когда че-

ловек свое собственное «нравится» или «не нравится» возводит в абсолют и навязывает другим, навязывает подчас весьма агрессивно.

— Да, такое «ну, не нравишься ты мне» с последующим подведением теоретической базы встречается куда чаще, чем хотелось бы. Но стоит ли искать в критике объективность? Каждый человек в меру своего вкуса, своих особенностей, таланта и привязанностей пытается обосновать некую точку зрения. Его право. Но при этом должна соблюдаться хотя какая-то этика, хотя, откровенно говоря, очень редкие критики соблюдают этические нормы. Это в равной степени относится к самым разным жанрам. Искусство, оно ведь в принципе субъективно. В науке, которой я занимаюсь, все же есть объективные критерии, а в искусстве все может быть передернуто и одно выдано за другое. Тем более что к нему до безобразия часто приплещают идеологию.

— Вы недавно соприкоснулись с миром кино — были членом жюри Выборгского кинофестиваля. Оцените, пожалуйста, в каком состоянии сегодня в России находятся музы?

— Трудно сказать, но уж точно не в лучшем. Говорят, музы молчат, когда говорят пушки. А пушки у нас говорят все время. Но главное все же — это неустойчивость подлинного искусства, которое, как нынче говорят, потеряло свой рейтинг. И это вполне

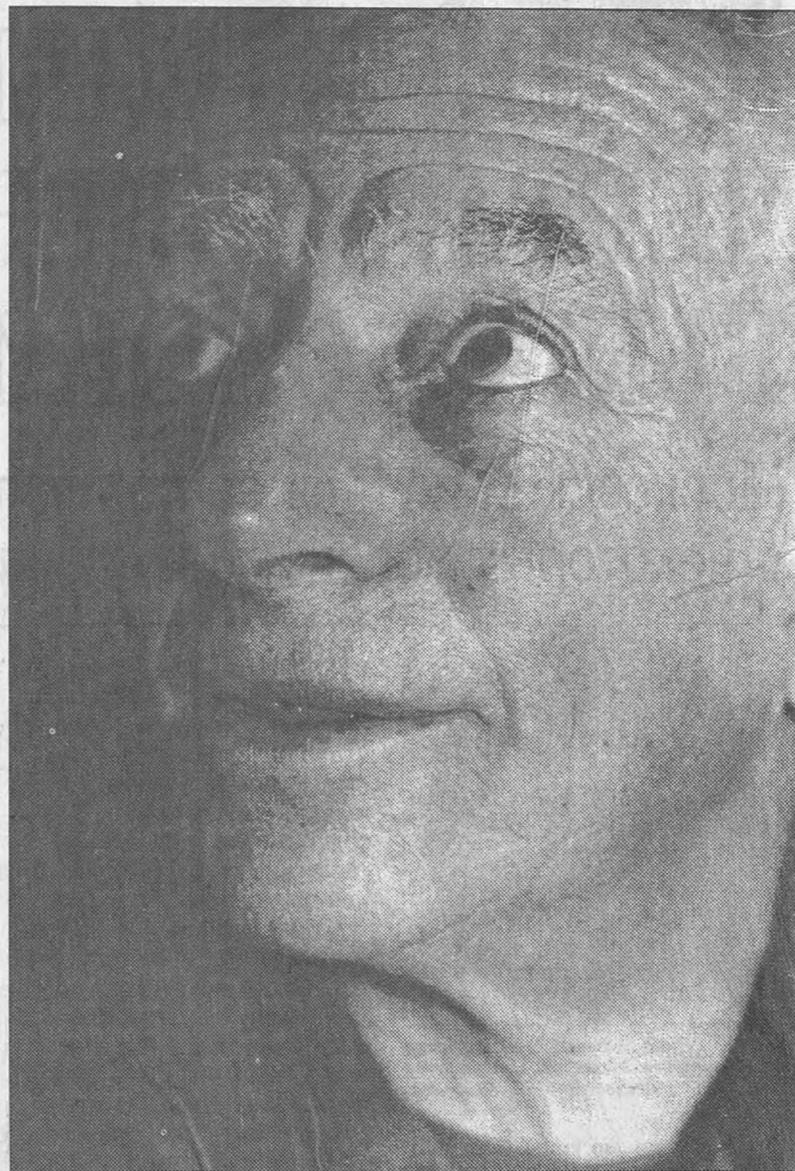
объяснимо: у людей возникла масса других проблем, как реальных — экономических и политических, так и связанных с ними психологических. Неудивительно, что люди молодые по большей части озабочены прагматическими вопросами выживания, что они взяли на вооружение тот стиль, который задают «новые русские».

— Значит, правы те, кто говорит, что «случилось страшное», и оплакивают нашу культуру?

— Лично я считаю, что перспективы все равно есть. Разочарование и в экономике, и в политике всегда приводит к тому, что человек возвращается к какой-то форме духовного общения, ведь жить просто так люди не могут. Уже сейчас растет интерес и к нормальной литературе, и к кинематографу, и к театру. В Москве, например, в некоторые театры не попасть. Совсем как пятнадцать—двадцать лет назад. Так что надежда на то, что в конце концов все встанет на место, есть. И немалая. Хотя положение, безусловно, усугубляется полной нищетой всех областей некоммерческой культуры — от музеев до театра и кинематографа. То же и в литературе, особенно в книгоиздательской практике.

— А в авторской песне?

— В авторской песне сейчас жесточайший кризис. Поколение Окуджавы, Высоцкого, Галича уходит, а смена не пришла. Получается, что явление поющей поэзии, окончательно офор-

Независимая газета,
— 2000. — 13 янв. — с. 13

Александр Городницкий.
Фото ИТАР-ТАСС

мившееся и расцветшее на рубеже 60-х годов, оказалось неповторимым.

— Но такое случалось и раньше. Между Золотым веком русской поэзии и Серебряным — провал в несколько десятилетий.

— Да, возможно, в следующем тысячелетии грядет «серебряный век» авторской песни. Хотелось бы в это верить, но пока признаков этой новой волны я не вижу. И помимо иррационального, есть этому вполне будничное объяснение. Утрачены функции авторской песни как неподцензурного искусства, потому что сейчас явной цензуры нет. Потребность в авторской песне как форме самовыражения тоже утрачена, потому что мы живем в век воинствующего секса, наркоты и порнографии. Любовь сильно примитивизируется, подменяется сексом. Молодежи здесь, конечно, ближе всякие ритмические построения, начиная от тяжелого рока и всяческой «попсы». Так что и с политической точки зрения, и с точки зрения интимного, лирического искусства авторская песня не востребована.

— Кроме того, была плеяда талантливых людей...

— Да, сейчас какой-то провал. Практически нет поэтов с гитарой. Ко всему, как только авторская песня вышла на эстраду, она стала жить по законам эстрады. На смену поэтам пришли хорошо поющие и актерски очень обаятельные барды, но это уже эстрадные тексты, совсем другая функция. Даже наиболее любимые мною Иващенко и Васильев, Олег Митяев и многие другие — это другая творческая специальность. Они все очень одаренные, очень обаятельные, но это уже не литература. Это замечательная эстрада, и живет она по законам шоу. Она улучшила эстраду, она перестала быть альтернативным искусством.

— «Поэт в России больше чем поэт»...

— Эта строчка у меня вызывает некоторое удивление. Больше чем поэт... А что такое «поэт»? Как профессор геофизики я люблю точные определения. Разве «поэт» — это мало, разве это не всеобъемлющее понятие, разве он не рупор Бога? По мне, больше Поэта

вообще ничего быть не может. Если же иметь в виду политический, общественный резонанс, то надо говорить: «Поэт в России больше, чем поэт на Западе». С такой постановкой вопроса я согласен.

— А каково соотношение высокого искусства и конъюнктуры?

— Помните у Пушкина: «Не продается вдохновенье, но можно рукопись продать»? Там все очень корректно сформулировано. Если человек продает рукопись, то ради бога. Но если человек продает себя... У меня вышла подборочка в «Литературной газете». Там есть одно стихотворение, очень полемическое — ответ моему действительно любимому поэту, который говорил от имени России. Я считаю, что поэт не должен говорить ни от имени России, ни от имени народа. Поэт потому и поэт, что говорит от себя. А если он озвучивает что-то чужое, то это недостойно. Тем более что это чужое в перспективе может оказаться тем ветром, из которого вырастет буря.

— Что нас ждет впереди?

— Несмотря на то что некоторые мои стихотворения мрачноваты, несмотря на свой возраст и наше сложное время, я по натуре неисправимый оптимист. Я уверен, что если не произойдет чрезвычайных событий, то мало-помалу и Россия в целом, и ее передовой флагман — Санкт-Петербург уверенно войдут в цивилизованный мир.

— Многие популярные десять лет назад «властители дум» сегодня тихо сошли на нет, а на ваших концертах по-прежнему не протолкнуться. У вас есть какой-нибудь секрет?

— Никакого «секрета» Городницкого не существует. Просто я никогда не связывал свою популярность или непопулярность с тем, какой строй стоит на дворе, а жил и писал, не очень заботясь, будет это модным или не будет. И сейчас не забочусь. Единственный принцип, которым я пытаюсь руководствоваться, — быть честным и перед собой, и перед другими, что и находит свое отражение в моих стихах, песнях, книгах...

Санкт-Петербург